

ДЕЛО "РЕШЕТНЯК (RESHETNYAK) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ"
(Жалоба № 56027/10)

Процедура	2
Факты	2
I. Обстоятельства дела	2
A. Уголовное разбирательство против заявителя	2
B. Условия содержания заявителя под стражей	2
C. Качество медицинской помощи	5
D. Жалобы должностным лицам	8
II. Применимое национальное законодательство	8
A. Положения, регулирующие качество медицинской помощи, оказываемой заключенным	8
B. Положения об обжаловании качества медицинской помощи	8
B. Положения, регулирующие условия содержания под стражей в лечебных исправительных учреждениях	10
Право	10
I. Предполагаемое нарушение статей 3 и 13 Конвенции	10
A. Доводы сторон	11
B. Мнение Европейского Суда	12
II. Применение статьи 41 Конвенции	28
A. Ущерб	28
B. Судебные расходы и издержки	28
C. Процентная ставка при просрочке платежей	29
НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:	29

[неофициальный перевод] <*>

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "РЕШЕТНЯК (RESHETNYAK) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" <*>
(Жалоба N 56027/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(Страсбург, 8 января 2013 года)

<*> Перевод с английского Г.А. Николаева.

По делу "Решетняк против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:
Изабель Берро-Лефевр, Председателя Палаты,
Элизабет Штейнер,
Нины Ваич,
Анатолия Ковлера,
Ханлара Гаджиева,
Мирьяны Лазаровой Трайковской,
Юлии Лафранк, судей,
а также при участии Серена Нильсена, Секретаря Секции Суда,
заседаая за закрытыми дверями 4 декабря 2012 г.,
вынес в указанный день следующее Постановление:

Процедура

1. Дело было инициировано жалобой N 56027/10, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Российской Федерации Виталием Васильевичем Решетняком (далее - заявитель) 3 сентября 2010 г. Интересы заявителя представляла О. Дружкова, адвокат, практикующая в Москве.

2. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека Г.О. Матюшкиным.

3. Заявитель, в частности, жаловался на то, что в период лишения свободы ему не оказывалась адекватная медицинская помощь, что условия его содержания под стражей в лечебном исправительном учреждении были бесчеловечными и что отсутствовали доступные ему эффективные средства правовой защиты для обжалования нарушения его права на получение надлежащих медицинских услуг и адекватные условия содержания под стражей.

4. 16 мая 2011 г. жалоба была коммуницирована властям Российской Федерации. В соответствии с пунктом 1 статьи 29 Конвенции Европейский Суд решил рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу. По ходатайству заявителя Европейский Суд решил применить правило 41 Регламента Суда и рассмотреть жалобу в приоритетном порядке.

Факты

I. Обстоятельства дела

5. Заявитель родился в 1979 году и до своего задержания проживал в городе Ставрополе Ставропольского края.

A. Уголовное разбирательство против заявителя

6. 3 марта 2006 г. Промышленный районный суд Ставрополя признал заявителя виновным в грабеже при отягчающих вину обстоятельствах и приговорил его к шести годами и шести месяцам лишения свободы с отбытием наказания в лечебном исправительном учреждении, поскольку он болел туберкулезом.

B. Условия содержания заявителя под стражей

7. 1 ноября 2006 г. заявитель был переведен в лечебное исправительное учреждение № 8 (далее - учреждение № 8) в Нефтекумске, Ставропольский край. Как указывалось в официальных документах, представленных властями Российской Федерации, в учреждении № 8 содержатся в основном лица, болеющие туберкулезом, независимо от режима содержания, предусмотренного приговором. Оно также является больницей для лечения заключенных.

1. Версия властей Российской Федерации

8. Власти Российской Федерации, ссылаясь на справки, выданные исполняющим обязанности начальника колонии в июле 2011 года, сообщали, что в колонии семь общежитий общей площадью 5 296,6 кв. м, имеющих 1 100 спальных мест. В период, относящийся к обстоятельствам дела, в учреждении находились 995 человек. Власти Российской Федерации подчеркивали, что в течение всего периода нахождения заявителя в колонии количество содержащихся там лиц не превышало проектной вместимости колонии.

9. Власти Российской Федерации также отметили, что заявитель содержался в комнатах № 6 и 3, площадь которых составляла соответственно 117,4 и 74,1 кв. м, в них имелись 40 и 24 спальных места и содержались 38 и 23 заключенных. Однако в справках, выданных исполняющим обязанности начальника колонии, указывалось, что комната № 6 имела 39 спальных мест, а комната № 3 - 27. Кроме того, исполняющий обязанности начальника колонии сослался на невозможность предоставления статистической информации о количестве осужденных, содержащихся совместно с заявителем в общежитиях, поскольку книги учета содержащихся в колонии не велись. В то же время ввиду того, что количество содержащихся лиц не превышало проектной вместимости общежитий колонии, а заключенные всегда равномерно распределялись по общежитиям, по мнению исполняющего обязанности начальника колонии, не имелось сомнений в том, что заявитель всегда имел спальное место. В частности, как подтверждалось справками, предоставленными властями Российской Федерации, в течение 2006 - 2011 годов Управление службы исполнения наказаний по Ставропольскому краю ограничивало количество осужденных, которые могли содержаться в исправительном учреждении № 8. В частности, в 2006, 2007 и 2008 годах предельная численность составляла 833 лица, тогда как действительное количество осужденных составляло 807, 679 и 696 человек в 2006, 2007 и 2008 годах соответственно. В 2009 году, когда предел насчитывал 1 035 заключенных, в колонии содержались 822 заключенных. В 2010 и 2011 годах максимальное количество осужденных в колонии колебалось между 1 040 и 1 057, тогда как максимальная вместимость составляла 1 056 и 1 100 человек соответственно.

10. Власти Российской Федерации также предоставили информацию об условиях проживания в общежитиях. В каждой комнате общежития было семь окон: три из них имели 90 см в ширину и 110 см в высоту, а четыре других окна - 110 см в высоту и 140 см в ширину. Окна, выходящие на территорию колонии и обращенные к другому общежитию, были закрыты стальной сеткой, имевшей расстояние между прутьями 100 - 200 мм. Небольшая форточка размером 96 см в длину и 36 см в ширину могла открываться для проветривания. Общежития не имели системы искусственной вентиляции.

11. Несколько раз заявитель содержался в комнате № 7 больницы колонии, где проходил стационарное лечение. Семеро других заключенных содержались совместно с заявителем в комнате № 7, имевшей площадь 25,8 кв. м и оборудованной восьмью кроватями. В комнате имелись два окна площадью примерно 3 кв. м каждое.

12. Власти Российской Федерации предоставили Европейскому Суду распорядок дня заключенных. Согласно распорядку после подъема в 6.00 заключенным отводилось полтора часа на умывание и завтрак. Еще час, с 8.30 до 9.30, занимала утренняя поверка. С

9.30 до 11.30 заключенные проходили различные медицинские процедуры. После обеда, в 11.30 - 14.30, и еще одной часовой поверки заключенные могли в течение трех часов мыться в бане колонии. После ужина, проходившего с 18.00 до 20.00, заключенным предоставлялось полтора часа личного времени. Вечерняя поверка проводилась в 22.00. Распорядок дня колонии немного отличался по выходным, когда вместо процедур отводилось время на образовательную и культурную деятельность или на развлечения. Власти Российской Федерации также утверждали, что время на ежедневные прогулки или личное время, которое заключенные могли проводить вне общежитий, никогда не ограничивалось. Обязанность находиться в общежитиях относилась только к ночному времени, между вечерней и утренней поверками. Заключенные могли гулять в прогулочных дворах, площадь которых в каждом общежитии колебалась от 365 до 380 кв. м.

13. Дежурные заключенные дважды в день проводили уборку общежитий. Их контролировал дежурный фельдшер. Дезинфекция и дезинсекция помещений проводились раз в три месяца. В течение восьми лет вспышек инфекционных заболеваний в колонии не было.

14. Власти Российской Федерации также предоставили документы, свидетельствующие о том, что рацион заключенных был достаточным и включал мясо, рыбу, молочные продукты, овощи, яйца, сок, хлеб и так далее. Они также указывали, что питание было удовлетворительного качества, и заключенные получали обогащенную диету в соответствии с рекомендациями.

2. Версия заявителя

15. Как утверждает заявитель, условия его содержания под стражей в колонии были ужасающими в связи с крайней перенаселенностью. В колонии, рассчитанной на 600 заключенных, в действительности содержалось более тысячи человек, и на одного заключенного приходилось менее 1,5 кв. м личного пространства. Заявитель отмечал, что ситуация была особенно серьезной до 2009 года, когда в колонии было построено новое общежитие. Не оспаривая размеров комнаты № 6, он настаивал на том, что в нем было 66 спальных места. Однако он подтвердил, что всегда имел индивидуальное спальное место. В то же время с учетом количества осужденных в комнатах общежития все пространство было занято двухъярусными кроватями, что почти не оставляло заключенным личного пространства. Он также указывал, что окна не имели двойного остекления. В отсутствие системы искусственной вентиляции в комнатах было очень холодно зимой и жарко летом. Окна не обеспечивали достаточного поступления свежего воздуха, что дополнительно негативно воздействовало на здоровье осужденных, болеющих туберкулезом. Заявитель настаивал на том, что заключенным не разрешали открывать форточки для проветривания.

16. Заявитель также оспаривал довод властей Российской Федерации о том, что заключенные проводили большую часть дня вне общежития. Он подчеркивал, что прогулочный двор, который использовался не менее чем четырьмя отрядами колонии, имел 50 м в длину и 22 м в ширину. Каждый из четырех отрядов насчитывал как минимум 250 человек. Прогулочный двор явно не мог вместить такое количество заключенных. Он также не обеспечивал защиты от солнца или дождя.

17. Туалет располагался вне общежитий и не имел горячего водоснабжения. Дезинфекция проводилась редко, накануне прибытия представителей надзорных органов. Туалет обеспечивал лишь частичное уединение. В то время как унитазы были отделены друг от друга перегородками, они не были закрыты со стороны прохода и умывальника.

18. Питание было недостаточным по количеству и весьма неудовлетворительного качества. Заключенным выдавалось не более 40% их ежедневного рациона. Такие

продукты, как мясо, сливочное масло, молоко, фрукты и сахар, в нем полностью отсутствовали.

19. Заявитель приложил к своим объяснениям цветные фотографии общежития, туалета и рекреационных объектов. На фотографиях изображено довольно темное помещение с двумя рядами двухъярусных кроватей. Между двумя рядами оставлен проход, достаточный для двух человек. Кровати отделялись небольшими шкафчиками. Заключенные развешивали белье и одежду на кроватях, чтобы обеспечить подобие уединения. Кровати были установлены таким образом, что некоторые из них загораживали окна. На фотографиях видны также сильно исцарапанный пол и стены с поврежденной окраской. В столовой зоне находилось несколько больших шкафов и длинный стол в изношенном состоянии. Ветхость, очевидно, бросается в глаза на снимках туалета. Прогулочный двор представлял собой прямоугольное асфальтированное пространство, окруженное зданиями общежитий. В местах, где асфальт потрескался, видны трава и земля. Большое ведро для помоев находилось во дворе, рядом со входом в общежитие.

С. Качество медицинской помощи

20. Власти Российской Федерации предоставили Европейскому Суду копию медицинских документов заявителя, составленных от руки, в которых отражено состояние его здоровья с начала содержания под стражей. Они также предоставили печатную версию тех же документов, позволявших Европейскому Суду разобрать почерк врачей. В то же время, с учетом несовпадения двух версий, отсутствия некоторых фрагментов рукописного варианта в печатном тексте и выборочного подхода к копированию определенных формулировок рукописного варианта в печатном, Европейский Суд будет основывать свои выводы на рукописной версии медицинских документов заявителя.

21. Как следует из документов, заявителю был поставлен диагноз "туберкулез" в 2000 году, и он не раз проходил лечение в туберкулезных больницах Ставрополя. В 2005 году у заявителя произошла реактивация заболевания. С 13 июня по 1 ноября 2006 г. он проходил лечение в туберкулезном отделении тюремной больницы в колонии N 3.

22. После перевода в учреждение N 8 заявитель был осмотрен фтизиатром, который диагностировал у него инфильтративный фокальный туберкулез левого легкого. Ему были назначены рифампицин и этамбутол. Проведенное на следующий день рентгеновское исследование грудной клетки подтвердило диагноз. 30 ноября 2006 г. еще одно обследование заявителя повлекло изменение лечения. Фтизиатр составил перечень лекарств, составлявших режим химиотерапии заявителя, который включал изониазид, рифампицин, этамбутол, парацетамол и еще одно лекарство, по-видимому, имевшее антибактериальное действие. Три антибактериальных средства были исключены из перечня, а рифампицин оставлен. Справка, выданная начальником Управления службы исполнения наказаний по Ставропольскому краю 27 марта 2008 г. и предоставленная Европейскому Суду властями Российской Федерации, указывала, что колония приобретала "достаточное" количество противотуберкулезных средств, когда на эти цели выделялось финансирование, за исключением изониазида, канамицина и резервных противотуберкулезных средств. Кроме того, власти Российской Федерации предоставили Европейскому Суду справки, выданные заместителем начальника медицинской части учреждения N 8. В этих справках содержался расчет противотуберкулезных средств, оставшихся в колонии в последние дни каждого года с 2006 по 2011 гг. Как следует из этих справок, в 2006 - 2010 гг. колония не имела противотуберкулезных средств второго ряда <*>, за исключением канамицина. Ситуация изменилась только в 2010 году, когда колония получила не менее двух видов антибактериальных средств из резервного перечня. Перечень дополнительно был расширен в 2011 году.

<*> Препараты второго ряда оказывают более слабое воздействие на возбудителя туберкулеза, чем препараты первого ряда, являясь в то же время более токсичными для организма человека (прим. переводчика).

23. С каждым последующим обследованием в период с 4 декабря 2006 г. по октябрь 2007 года лечение заявителя изменялось с включением умеренных анальгетических и противовоспалительных средств, витаминов, капель для носа, средств от кашля, гепатопротекторов и успокаивающих средств растительного происхождения. Единственное исключение имело место в марте 2007 года, когда тюремный врач получил результаты клинического анализа крови и анализа мазка мокроты заявителя, а также томографии. Он назначил заявителю дозу антибактериального лекарства, основанного на сочетании изониазида и этамбутола. Заявитель продолжал жаловаться на кашель, лихорадку, боль в грудной клетке и головную боль. В этот период он дважды проходил рентгеновское обследование, в последний раз 19 сентября 2007 г. На основании этого обследования врач заключил, что туберкулез заявителя стал деструктивным для легочной ткани. Через неделю в его режим были включены этамбутол и сложное антибактериальное средство на основе изониазида. В октябре 2007 года заявитель был направлен на томографию грудной клетки, и на анализ были взяты мокрота и кровь. Хотя врач отмечал явно негативную динамику состояния заявителя, обследования не повлекли изменений его лечения, пока заявитель не начал кашлять кровью в декабре 2007 года. Сделав ему инъекцию хлористого калия и назначив синтетический аналог витамина К, средство от кашля, капли в нос, парацетамол, миорелаксант и антибиотики, тюремный врач направил заявителя на анализы. Поскольку анализы 11 декабря 2007 г. показали, что мокрота заявителя стала положительной, тюремный врач добавил антигистамин и нанес на грудную клетку заявителя "сетку" с помощью раствора йода.

24. 6 февраля 2008 г., после того как тюремные врачи окончательно диагностировали у заявителя "инфильтративный и диссеминированный деструктивный туберкулез верхней доли левого легкого", он начал получать лечение рифампицином, этамбутолом и феназидом (сложным антибактериальным средством на основе изониазида). В марте 2008 года медицинская комиссия признал заявителя инвалидом 2-й группы. До декабря 2008 года заявитель жаловался на постоянную боль в грудной клетке, жар, утомление, сухость во рту и кашель с кровью. После анализов, сделанных с февраля по декабрь 2008 года, не показавших позитивных изменений в состоянии заявителя, отличавшемся постоянным присутствием микобактерий туберкулеза (далее - МБТ) в его мокроте, врачи изменили лечение. Хотя три антибактериальных средства не отменялись, после каждого обследования заявителя в его режим включались новые лекарства. Они включали анальгетики, средства от кашля, капли для носа, антигистамины, мультивитамины, миорелаксанты, сердечные и противовоспалительные лекарства, антибиотики и так далее. Рукописная версия медицинских документов указывает, что несколько раз врачи отмечали, что лечение обеспечивается средствами, имеющимися в колонии или присланными заявителю родственниками.

25. В начале декабря 2008 года у заявителя произошли особенно серьезные приступы кашля с кровью. После двухдневных жалоб он был переведен в больницу колонии для стационарного лечения. По прибытии в больницу врачи определили его диагноз следующим образом: "инфильтративный деструктивный туберкулез верхней доли левого легкого, наличие МБТ, туберкулезная интоксикация и кашель кровью".

26. Как следует из медицинских документов заявителя, назначенный ему режим химиотерапии не включал никаких новых антибактериальных средств или иных лекарств, которые он не получал ранее, и состоял из феназида, этамбутола, рифампицина, витаминов, средства от кашля, хлористого калия и гепатопротектора. Посчитав, что состояние заявителя улучшилось, 4 февраля 2009 г. врачи выписали его из больницы для дальнейшего амбулаторного лечения.

27. Первое рентгеновское исследование грудной клетки и анализы культуры мокроты, имевшие место через две недели после выписки заявителя из больницы показали, что состояние его легких не изменилось, как и диагноз "инфильтративный и диссеминированный деструктивный туберкулез", и у него сохраняется наличие МБТ. После включения в режим лечения заявителя витаминов, противовоспалительных лекарств и миорелаксантов он несколько раз жаловался тюремным врачам на состояние здоровья. В марте 2009 года заявитель начал получать антибактериальные средства второго ряда. Через три недели врачи усмотрели обострение туберкулезного процесса и назначили заявителю аспирин, тетрациклин, парацетамол и обезболивающее. После того как анализы показали, что мазки заявителя дают положительный результат и его состояние не улучшилось с учетом растущего количества жалоб заявителя на состояние здоровья, включая жалобы на кашель с кровью, врачи продолжали корректировать его лечение, назначив два из трех антибактериальных средств, которые заявитель уже получал, и заменив одно другим, когда его состояние стало, по-видимому, ухудшаться.

28. После нового обострения заболевания в марте 2010 года заявитель был госпитализирован в тюремную больницу. Месячный курс лечения с теми же тремя антибактериальными средствами и рядом лекарств, которые он ранее получал в больнице, окончился выпиской заявителя из больницы с тем же диагнозом и заключением о том, что его состояние улучшилось.

29. В конце мая 2010 года у заявителя произошло еще одно обострение заболевания, и он вновь начал кашлять кровью. У него было диагностировано легочное кровотечение и была назначена аминокaproновая кислота для приема капельным путем. Отметив постоянное серьезное ухудшение состояния здоровья заявителя, в июне 2010 года лечащий врач назначил ему целый ряд лекарств и витаминов и рекомендовал госпитализацию на выходные дни. В то же время врач отметил отсутствие этамбутола в колонии. 15 июля 2010 г. заявитель был переведен в больницу для стационарного лечения. После лечения изониазидом, рифампицином, этамбутолом, витаминами, средствами от кашля и гепатопротекторами заявитель был выписан из больницы 23 августа 2010 г. с указанием о том, что его состояние улучшилось.

30. Менее чем через месяц заявитель вновь жаловался на значительное ухудшение состояния здоровья. В рукописной версии его медицинских документов указано, что врач намеревался назначить заявителю изониазид, но не смог сделать этого, так как отметил, что в колонии нет запасов данного средства. В последние две недели в октябре 2010 года заявитель стал чаще жаловаться на сильный жар, дрожь, кашель кровью, боль в груди и так далее. С учетом жалоб и отсутствия положительной динамики анализов крови и мокроты заявителя, а также рентгеновских обследований, и, несмотря на то, что заявитель продолжал получать рифампицин, 27 октября 2010 г. врач направил его в больницу. Заявитель был доставлен в больницу 7 ноября 2010 г. В течение месяца после госпитализации он, наконец, начал получать лечение противотуберкулезными средствами второго ряда. Анализы мазков мокроты, сделанные в больнице в конце лечения заявителя, не выявили МБТ. Заявитель был выписан из больницы, поскольку администрация колонии начинала ремонт.

31. После выписки из больницы заявитель продолжал получать лечение противотуберкулезными средствами первого ряда, включая этамбутол и производное изониазида. Рентгеновское обследование и анализы, проведенные 24 февраля 2011 г., показали, что у заявителя вновь обнаружены МБТ и что у него "фиброзно-кавернозный и диссеминированный деструктивный туберкулез левого легкого". Через три дня заявитель вновь жаловался медицинскому персоналу на кашель кровью. Несмотря на то, что лечение заявителя было дополнено средствами, уменьшающими сосудистую проницаемость, анальгетиками, иммуномодуляторами, витаминами, гепатопротекторами и успокаивающими, его состояние продолжало ухудшаться. В марте 2011 года ему были вновь назначены антибактериальные средства второго ряда. В отсутствие положительной

динамики 8 апреля 2011 г. заявитель был освобожден от участия в ежедневных поверках заключенных. Анализ, сделанный в конце мая 2011 года, выявил, что мокрота заявителя дает отрицательный результат. Последние записи в медицинских документах указывают, что у него повышалась температура по вечерам и врачи пытались преодолеть это состояние включением в режим лечения антибиотика, алоэ, витаминов и сиропа от кашля. В то же время лечащий врач назначил анализ действенности лекарств. Анализ выявил сопротивление двум из четырех антибактериальных средств первого ряда и, по крайней мере, одному противотуберкулезному средству из резервного списка.

32. В августе 2011 года заявитель был переведен в туберкулезное отделение изолятора N 2 для стационарного лечения. Врачи больницы отметили по прибытии, что мокрота заявителя вновь дает положительный результат и что он страдает множественной лекарственной устойчивостью (далее - МЛУ), хронической туберкулезной интоксикацией, частым кровохарканьем, легочно-сердечной недостаточностью и кахексией. Медицинская справка, выданная начальником туберкулезного отделения 23 августа 2011 г., указывала, что, несмотря на лечение, у заявителя было состояние средней тяжести и он нуждался в стационарном лечении в туберкулезной больнице.

D. Жалобы должностным лицам

33. Из справки, предоставленной властями Российской Федерации, следует, что заявитель направил значительное количество жалоб Президенту Российской Федерации, Генеральному прокурору, в Министерство здравоохранения, Федеральную службу исполнения наказаний и различным должностным лицам прокуратуры по поводу условий его содержания под стражей и качества медицинской помощи в колонии. Несколько других заключенных поддержали эти жалобы. Должностные лица не усмотрели недостатков медицинской помощи, оказанной заключенным, и не нашли условия содержания заявителя в колонии неудовлетворительными. Заявитель предоставил Европейскому Суду копии некоторых своих жалоб и ответов на них.

II. Применимое национальное законодательство

A. Положения, регулирующие качество медицинской помощи, оказываемой заключенным

34. Соответствующие нормы национального законодательства и международного права по поводу охраны здоровья осужденных, включая болеющих туберкулезом, изложены в следующих Постановлениях Европейского Суда: от 14 октября 2010 г. "А.В. против Российской Федерации" (А.В. v. Russia), жалоба N 1439/06, § 77 - 84 <*>, от 27 января 2011 г. "Евгений Алексеенко против Российской Федерации" (Yevgeniy Alekseyenko v. Russia), жалоба N 41833/04, § 60 - 66 и 73 - 80 <***>, и от 30 сентября 2011 г. "Пахомов против Российской Федерации" (Pakhomov v. Russia), жалоба N 44917/08, § 33 - 39 и 42 - 48 <***>.

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 2/2011.

<***> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 3/2012.

<***> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 3/2011.

B. Положения об обжаловании качества медицинской помощи

1. Закон о прокуратуре (Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-1)

35. Перечень полномочий прокуроров включает права беспрепятственно входить на территории и в помещения, иметь доступ к документам и материалам, вызывать должностных лиц и граждан для объяснений, рассматривать жалобы и обращения о фактах предполагаемого нарушения прав и свобод, разьяснять пострадавшим порядок защиты их прав и свобод, проверять исполнение законов, возбуждать производство об административном правонарушении, предостерегать о недопустимости нарушения закона, вносить представление об устранении выявленных нарушений (статьи 22 и 27).

36. Представление об устранении нарушений закона вносится прокурором или его заместителем в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения, и подлежит безотлагательному рассмотрению. В течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих, и о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме (статья 24).

37. Глава 4 регулирует полномочия прокуроров в сфере надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание. Они вправе проверять законность нахождения лиц в местах содержания под стражей, соблюдение установленных законодательством Российской Федерации прав и обязанностей задержанных, заключенных под стражу, осужденных, порядка и условий их содержания (статья 32). В этих целях прокуроры вправе посещать в любое время органы и учреждения содержания под стражей, опрашивать задержанных, заключенных под стражу, знакомиться с документами, на основании которых эти лица задержаны, заключены под стражу, требовать от администрации создания условий, обеспечивающих права задержанных, заключенных под стражу, осужденных, возбуждать производства об административных правонарушениях (статья 33).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: обжалование незаконных решений

38. Глава 25 установила порядок обжалования в суд решений, действия или бездействия государства и муниципальных органов и должностных лиц. Согласно Постановлению от 10 февраля 2009 г. N 2 Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее - Постановление N 2) жалобы подозреваемых, обвиняемых и подсудимых должны быть рассмотрены в соответствии с положениями главы 25 (пункт 7).

39. Гражданин вправе оспорить в суде решение, действие (бездействие) органа государственной власти, если считает, что нарушены его права и свободы. Гражданин вправе обратиться непосредственно в суд или в вышестоящий в порядке подчиненности орган государственной власти, к должностному лицу, государственному служащему (статья 254). Решения, действия (бездействие) могут обжаловаться в порядке гражданского судопроизводства, если ими нарушены права и свободы гражданина, созданы препятствия к осуществлению гражданином его прав и свобод, на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность или он незаконно привлечен к ответственности (статья 255).

40. Гражданин вправе обратиться в суд с заявлением в течение трех месяцев со дня, когда ему стало известно о нарушении его прав и свобод. Трехмесячный срок может быть продлен при наличии уважительных причин (статья 256). Жалоба должна быть рассмотрена в десятидневный срок, при необходимости в отсутствие представителя органа власти или должностного лица (статья 257).

41. Бремя доказывания законности оспариваемого решения, действия или бездействия возлагается на заинтересованный орган или должностное лицо. При необходимости суд может получать доказательства по своей инициативе (пункт 20 Постановления N 2).

42. Суд, признав заявление обоснованным, принимает решение об обязанности соответствующего органа, должностного лица устранить в полном объеме допущенное нарушение прав и свобод гражданина (пункт 1 статьи 258). Суд устанавливает срок для устранения нарушения в соответствии с характером жалобы и мерами, которые необходимо принять для его устранения в полном объеме (пункт 28 Постановления N 2).

43. Решение суда направляется для устранения допущенного нарушения закона руководителю органа государственной власти, решения, действия (бездействия) которых были оспорены, либо в вышестоящий в порядке подчиненности орган, должностному лицу в течение трех дней со дня вступления решения суда в законную силу. В суд и гражданину должно быть сообщено об исполнении решения суда не позднее чем в течение месяца со дня получения решения (пункты 2 и 3 статьи 258).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации

44. Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (пункты 1 и 2 статьи 1064).

45. Вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, подлежит возмещению (статья 1069). Независимо от вины должностных лиц возмещается вред, причиненный гражданину (i) в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, (ii) незаконного применения меры пресечения, (iii) незаконного привлечения к административной ответственности (статья 1070).

46. Основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными статьей 151 Гражданского кодекса, и не зависят от подлежащего возмещению имущественного вреда (статья 1099). Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда вред причинен: (i) источником повышенной опасности, (ii) гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения меры пресечения заключения под стражу, незаконного наложения административного взыскания, (iii) распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию (статья 1100).

В. Положения, регулирующие условия содержания под стражей в лечебных исправительных учреждениях

47. Часть 1 статьи 99 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. предусматривает минимальный стандарт жилой площади в 2 кв. м в исправительных колониях для осужденных-мужчин и 5 кв. м в лечебных учреждениях.

48. Часть 2 статьи 101 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации устанавливает, что лечебные исправительные учреждения создаются в уголовно-исполнительной системе для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза.

Право

I. Предполагаемое нарушение статей 3 и 13 Конвенции

49. Заявитель жаловался на то, что администрация учреждения N 8 не приняла мер по охране его здоровья и благополучия, не обеспечив ему оказание адекватной

медицинской помощи в нарушение статьи 3 Конвенции. Он также жаловался в соответствии с тем же положением Конвенции на то, что условия его содержания под стражей в лечебно-исправительном учреждении были ужасающими. Статья 3 Конвенции предусматривает следующее:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

Заявитель также утверждал, что не располагал эффективным средством правовой защиты в связи с нарушениями гарантий против жестокого обращения, требуемых в соответствии со статьей 13 Конвенции:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе..."

А. Доводы сторон

50. Власти Российской Федерации выдвинули два довода, утверждая, что заявитель располагал эффективными средствами правовой защиты, но не исчерпал их, и в то же время указывая, что лечение, которое получал заявитель в течение всего периода содержания, и условия его содержания под стражей в учреждении N 8 соответствовали высочайшим стандартам. Что касается первого довода, власти Российской Федерации подчеркивали, что заявитель не обжаловал в суд отсутствие адекватной медицинской помощи и неудовлетворительные условия его содержания под стражей. Порядок обжалования в суд предусмотрен главой 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, разъясненной Постановлением N 2. Ссылаясь на два дела, рассмотренных российскими судами, и выводы Европейского Суда по делу "Попов и Воробьев против Российской Федерации" (Popov and Vorobyev v. Russia) (жалоба N 1606/02, Постановление от 23 апреля 2009 г. <*>), власти Российской Федерации утверждали, что заявитель также не был лишен права на предъявление иска о возмещении вреда, причиненного предположительно неадекватной медицинской помощью и неудовлетворительными условиями своего содержания. Со ссылкой на Резолюцию N CM/ResDH(2010)35, принятую на 1078-м заседании Комитета министров Совета Европы, власти Российской Федерации также отметили, что статистика и количество дел, поступивших в Комитет, свидетельствуют о развитии практики российских судов в присуждении компенсации морального вреда, причиненного неудовлетворительными условиями содержания под стражей. По мнению властей Российской Федерации, Европейскому Суду следует квалифицировать уклонение заявителя от обращения в российский суд с жалобой как нежелание соблюдать требования приемлемости, предусмотренные пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции. Власти Российской Федерации подчеркивали, что жалоба заявителя на нарушение статьи 3 Конвенции должна быть отклонена в связи с уклонением его от исчерпания внутренних средств правовой защиты, а жалоба на нарушение статьи 13 Конвенции является явно необоснованной.

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 4/2010.

51. В качестве альтернативы власти Российской Федерации утверждали, что заявитель получал адекватный уход в течение всего периода содержания в лечебно-исправительном учреждении. Он получал эффективное лечение в колонии и больнице. Медицинский персонал имел необходимые навыки и подготовку для лечения заявителя. Все учреждения были обеспечены лекарствами и медицинским оборудованием по установленным нормам. Власти Российской Федерации подчеркивали, что заявитель прошел 55 медицинских обследований, анализов и процедур, включая 27 рентгеновских исследований, 27 клинических анализов крови, 25 анализов мазков мокроты. Они также

отмечали, что его текущее состояние считалось удовлетворительным и он находился под медицинским наблюдением в связи с его хроническим заболеванием.

52. Что касается условий содержания заявителя в учреждении N 8, власти Российской Федерации утверждали, что они полностью соответствовали правовым нормам. Колония не была переполнена, в ней содержались лишь 995 заключенных, тогда как ее текущая вместимость составляла 1 100 человек. Санитарные условия были надлежащими, помещения регулярно дезинфицировались. Заявитель мог проводить большую часть дня вне общежития в прогулочном дворе без ограничений времени, за исключением обязанности находиться в общежитии ночью. Питание было хорошего качества и достаточным по количеству.

53. Заявитель просил Европейский Суд отклонить оба довода, выдвинутых властями Российской Федерации, подчеркивая, что его жалобы в различные национальные органы были оставлены без рассмотрения или отклонены под надуманными предлогами. Он также утверждал, что не мог получить адекватную медицинскую помощь, в которой нуждался в период лишения свободы. Заявитель ссылался на различные медицинские документы, свидетельствующие о том, что его состояние продолжало ухудшаться даже после того, как власти признали его инвалидом. Он отметил, что в течение нескольких лет колония не получала необходимых антибактериальных лекарств. В ней отсутствовало достаточное количество медицинских специалистов. Заключенные не могли получать повседневно адекватную медицинскую помощь, поскольку врачи наблюдали пациентов только в течение двух с половиной часов в день, что обуславливало лишь краткое посещение каждого заключенного. Заявитель утверждал, что ежегодно умирало много заключенных, причем количество смертей было выше, чем в любом другом исправительном учреждении России. Отсутствие медицинской помощи подвергло его сильным страданиям. Заявитель также считал, что его состояние дополнительно усугублялось ужасающими условиями его содержания. Он содержался со многими больными заключенными в условиях сильной перенаселенности в течение многих лет. Возможность нахождения вне общежития в прогулочном дворе не могла компенсировать отсутствие личного пространства, поскольку двор был слишком тесен для размещения такого количества заключенных и не обеспечивал защиты от дождя, солнца или холода.

В. Мнение Европейского Суда

1. Приемлемость жалобы

54. Власти Российской Федерации выдвинули возражение о исчерпании внутренних средств правовой защиты заявителем. Европейский Суд полагает, что вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты тесно связан с существом жалобы заявителя на то, что он не располагал эффективным средством правовой защиты относительно его претензий по поводу того, что он подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению вследствие лишения эффективной медицинской помощи и содержания в неадекватных условиях в лечебном учреждении. Таким образом, Европейский Суд находит необходимым отложить возражение властей Российской Федерации до рассмотрения существа жалобы заявителя на нарушение статьи 13 Конвенции.

55. Европейский Суд также отмечает, что жалоба заявителя на нарушение статей 3 и 13 Конвенции не является явно необоснованной в значении подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

(a) Исчерпание внутренних средств правовой защиты и предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции

(i) Общие принципы

56. Европейский Суд напоминает, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты, предусмотренное статьей 35 Конвенции, обязывает желающих подать жалобу в Европейский Суд прежде всего использовать средства правовой защиты, предусмотренные национальной правовой системой. Соответственно, государства освобождаются от обязанности отвечать перед международным органом за свои действия до того, как они получили возможность разрешить вопрос в рамках своей собственной правовой системы. Это правило основано на предположении, отраженном в статье 13 Конвенции, с которой оно имеет близкое сходство, что эффективное средство правовой защиты для рассмотрения существа "доказуемой жалобы" предусмотрено в национальной системе независимо от того, инкорпорированы положения Конвенции в национальное законодательство или нет. Таким образом, это является важным аспектом принципа, устанавливающего, что предусмотренный Конвенцией механизм защиты имеет субсидиарный характер по отношению к национальным системам защиты прав человека (см. Постановление Большой Палаты по делу "Кудла против Польши" (*Kudla v. Poland*), жалоба N 30210/96, § 152, ECHR 2000-XI, и Постановление Европейского Суда от 7 декабря 1976 г. по делу "Хэндисайд против Соединенного Королевства" (*Handyside v. United Kingdom*), § 48, Series A, N 24).

57. При обычных обстоятельствах заявитель должен прибегнуть к средствам правовой защиты, которые доступны и достаточны для обеспечения возмещения в отношении предполагаемых нарушений. Существование средств правовой защиты должно быть достаточно определенным с точки зрения теории и практики, так как в противном случае они не будут обладать требуемой доступностью и эффективностью (см., в частности, Постановление Европейского Суда от 20 февраля 1991 г. по делу "Вернийо против Франции" (*Vernillo v. France*), § 27, Series A, N 198, и Постановление Европейского Суда от 18 декабря 1986 г. по делу "Джонстон и другие против Ирландии" (*Johnston и Others v. Ireland*), § 22, Series A, N 112). Государство-ответчик, ссылающееся на неисчерпание внутренних средств правовой защиты, обязано доказать Европейскому Суду, что средство правовой защиты было эффективным, существовало теоретически и практически в период, относящийся к обстоятельствам дела, то есть было доступным, могло обеспечить возмещение в связи с жалобами заявителя и имело разумные шансы на успех. Однако, если эта обязанность доказывания исполнена, заявитель должен установить, что средство правовой защиты, на которое ссылались власти Российской Федерации, было фактически использовано или по какой-то причине являлось неадекватным и неэффективным при конкретных обстоятельствах дела или что существовали особые обстоятельства, освобождающие его от этого требования.

58. Европейский Суд подчеркивает, что применение правила должно учитывать тот факт, что оно применяется в контексте механизма защиты прав человека, который согласились учредить Высокие Договаривающиеся Стороны. Соответственно, он признает, что правило об исчерпании должно применяться с определенной степенью гибкости и без излишнего формализма (см. Постановление Европейского Суда от 19 марта 1991 г. по делу "Кардо против Франции" (*Cardot v. France*), § 34, Series A, N 200). Европейский Суд также указывал, что это правило не является абсолютным и не может применяться автоматически; при рассмотрении вопроса о том, было ли оно соблюдено, необходимо учитывать конкретные обстоятельства каждого индивидуального дела (см. Постановление Европейского Суда от 6 ноября 1980 г. по делу "Ван Остервейк против Бельгии" (*Van Oosterwijck v. Belgium*), § 35, Series A, N 40). Это означает, среди прочего, что Европейскому Суду требуется реально учитывать не только существование

формальных средств правовой защиты в правовой системе государства-участника, но и общий контекст, в котором они применяются, а также личные обстоятельства заявителей (см. Постановление Европейского Суда от 16 сентября 1996 г. по делу "Акдивар и другие против Турции" (Akdivar и Others v. Turkey), § 65 - 68, Reports of Judgments and Decisions 1996-IV).

59. Объем обязательств государств-участников в соответствии со статьей 13 Конвенции колеблется в зависимости от характера жалобы заявителя. "Эффективность" "средства правовой защиты" в значении статьи 13 Конвенции не зависит от определенности благоприятного исхода для заявителя. В то же время средство правовой защиты, гарантированное статьей 13 Конвенции, должно быть эффективным как в законодательстве, так и на практике в том смысле, что оно либо препятствует предполагаемому нарушению или его продолжению, либо обеспечивает адекватное возмещение за любое нарушение, которое уже имело место (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Кудла против Польши", § 157 - 158, и Постановление Европейского Суда от 10 апреля 2008 г. по делу "Вассерман против Российской Федерации (N 2)" (Wasserman v. Russia) (N 2)), жалоба N 21071/05, § 45 <*>).

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 2/2009.

60. В отношении фундаментального права на защиту от пытки, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения превентивные и компенсаторные средства правовой защиты должны дополнять друг друга, чтобы считаться эффективными. Наличие превентивного средства правовой защиты является обязательным для эффективной защиты лиц от обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Особая важность, придаваемая Конвенцией этому положению, требует, по мнению Европейского Суда, чтобы государства-участники учредили в дополнение к компенсаторному средству правовой защиты эффективный механизм для оперативного пресечения любого такого обращения. В противном случае перспектива присуждения в будущем компенсации могла бы узаконить особенно сильные страдания в нарушение этого ключевого положения Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 24 июля 2008 г. по делу "Владимир Романов против Российской Федерации" (Vladimir Romanov v. Russia), жалоба N 41461/02, § 78 <*>).

<*> Там же. N 3/2009.

61. Европейский Суд отмечает, что его задача в настоящем деле заключается в рассмотрении эффективности различных внутренних средств правовой защиты, указанных Российским государством-ответчиком или использованных заявителем в его попытках привлечь внимание властей к состоянию его здоровья, качеству полученной медицинской помощи и условиям, в которых он содержался в лечебно-исправительном учреждении. Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации упомянули жалобу в соответствии с главой 25 Гражданского процессуального кодекса и иск о возмещении вреда в качестве предусмотренных законом средств, которые не исчерпал заявитель. Заявитель в свою очередь, подчеркивал, что пытался использовать такие средства, как жалоба прокурору. Кроме того, с учетом ссылки властей Российской Федерации на выводы Европейского Суда по делу Попова и Воробьева (упоминавшемуся выше, § 67, в котором, признав жалобу заявителей на неадекватную медицинскую помощь неприемлемой, он отметил, что они не доводили этот вопрос до сведения какого-либо национального органа, включая администрацию мест лишения свободы, прокуратуру и суды) Европейский Суд готов рассмотреть вопрос о том, могла ли жалоба администрации учреждения быть эффективно использована заявителем в дополнение к средствам,

упоминавшимся выше властями Российской Федерации и заявителем, для обжалования качества медицинской помощи и условий его содержания под стражей.

(ii) Анализ существующих средств правовой защиты

(альфа) Жалоба в тюремную администрацию

62. Что касается жалобы администрации исправительного учреждения, Европейский Суд учитывает, что основная обязанность руководителей исправительного учреждения заключается в обеспечении надлежащих условий содержания под стражей, включая адекватную охрану здоровья заключенных. Отсюда следует, что жалоба на неадекватные условия содержания в тюрьме или на неисполнение обязанностей тюремным медицинским персоналом неизбежно затронет вопрос об исполнении обязанностей руководством тюрьмы и соблюдении требований национального законодательства. Соответственно, Европейский Суд не находит, что тюремные власти обладали достаточно независимой позицией, чтобы отвечать требованиям статьи 13 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 25 марта 1983 г. по делу "Силвер и другие против Соединенного Королевства" (*Silver and Others v. United Kingdom*), § 113, Series A, N 61): принимая решение по жалобе на условия содержания под стражей, за которые они несут ответственность, они по сути являлись судьями в своем собственном деле (см. Постановление Европейского Суда от 4 октября 2011 г. по делу "Гогинашвили против Грузии" (*Goginashvili v. Georgia*), жалоба N 47729/08, § 55, и более поздние примеры в Постановлении Европейского Суда от 10 января 2012 г. по делу "Ананьев и другие против Российской Федерации" (*Ananyev and Others v. Russia*), жалобы N 42525/07 и 60800/08, § 113 - 118 <*>, и Решении Европейского Суда от 6 марта 2012 г. по делу "Исматуллаев против Российской Федерации" (*Ismatullayev v. Russia*), § 26).

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 8/2012.

(бета) Жалоба прокурору

63. Европейский Суд далее рассмотрит вопрос о том, могла ли жалоба прокурору обеспечить заявителю возмещение в связи с предполагаемым нарушением его прав. Европейский Суд напоминает, что решающий вопрос для оценки эффективности средства правовой защиты в отношении бесчеловечного и унижающего достоинство обращения заключается в том, мог ли заявитель подать жалобу прокурору с целью получения прямого и своевременного возмещения, а не только косвенной защиты его прав, гарантированных статьей 3 Конвенции. Хотя прокурорские проверки, несомненно, играют важную роль в обеспечении надлежащих условий содержания под стражей, включая соблюдение требуемого стандарта медицинской помощи заключенным, жалоба надзирающему прокурору не отвечает требованиям к эффективному средству правовой защиты, поскольку в прецедентной практике Европейского Суда ранее были выявлены процессуальные недостатки (см., например, Постановление Европейского Суда от 1 апреля 2010 г. по делу "Павленко против Российской Федерации" (*Pavlenko v. Russia*), жалоба N 42371/02, § 88 - 89 <*>, и Постановление Европейского Суда от 12 марта 2009 г. по делу "Александр Макаров против Российской Федерации" (*Aleksandr Makarov v. Russia*), жалоба N 15217/07, § 85 - 86, с дополнительными отсылками <*>). В частности, Европейский Суд не признавал, что представление прокурора, имеющее в основном деклараторный характер, могло обеспечить превентивное или компенсаторное действие или и то и другое в связи с утверждениями об обращении, противоречащем статье 3 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Александр Макаров против Российской Федерации", § 86).

<*> Там же. N 10/2010.

<***> Там же. N 5/2009.

64. Европейский Суд также напоминает постоянную прецедентную практику конвенционных учреждений, согласно которой иерархическая жалоба, не обеспечивающая лицу самостоятельного права требовать от государства использования своих надзорных полномочий, не может считаться эффективным средством правовой защиты для целей статьи 35 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Хорват против Хорватии" (*Horvat v. Croatia*), жалоба N 51585/99, § 47, ECHR 2001-VIII, и Решение Комиссии по правам человека от 6 сентября 1995 г. по делу "Гибас против Польши" (*Gibas v. Poland*), жалоба N 24559/94, *Decisions and Reports* 82, pp. 76 и 82). Европейский Суд признает, что заключенные вправе направлять жалобы прокурору. Однако отсутствует правовая норма, обязывающая прокурора выслушивать заявителя или обеспечивать его участие в последующем разбирательстве, которое является исключительно вопросом отношений между надзирающим прокурором и надзираемым органом. Заявитель не является стороной какого-либо разбирательства и вправе только получить информацию о том, каким образом надзирающий орган рассмотрел его жалобу. Европейский Суд напоминает, что в отсутствие специальной процедуры возможность подачи жалоб в различные органы не может рассматриваться как эффективное средство правовой защиты, поскольку такие жалобы имеют целью использование этими органами своей дискреции и не дают личного права требования от государства использования его надзорных полномочий (см. Постановление Европейского Суда от 23 сентября 2004 г. по делу "Димитров против Болгарии" (*Dimitrov v. Bulgaria*), жалоба N 47829/99, § 80). Кроме того, Европейский Суд учитывает тот факт, что вследствие жалоб заявителя различным прокурорам не были выявлены недостатки оказания медицинской помощи заявителю или условий его содержания под стражей (см. § 33 настоящего Постановления). Поскольку жалоба прокурору не дает лицу самостоятельного права требования от государства использования его надзорных полномочий, подобная жалоба не может считаться эффективным средством правовой защиты.

(гамма) Требование о компенсации

65. Европейский Суд далее рассмотрит вопрос о том, составляют ли положения Гражданского кодекса Российской Федерации о возмещении вреда эффективным средством правовой защиты, способное предоставить потерпевшему лицу компенсацию за содержание под стражей, которое имело место в бесчеловечных или унижающих достоинство условиях, или за отсутствующую или неадекватную медицинскую помощь.

66. Положения Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за причинение вреда устанавливают специальные правила компенсации вреда, причиненного государственными органами и должностными лицами. Статьи 1070 и 1100 Гражданского кодекса содержат исчерпывающий перечень случаев возмещения вреда казной независимо от вины должностных лиц государства. Неадекватные условия содержания под стражей или неудовлетворительная медицинская помощь не включены в этот перечень. Только вред, причиненный в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности или к административной ответственности, возмещается независимо от вины должностных лиц, во всех остальных случаях применяется общая норма статьи 1069 Гражданского кодекса, обязывающая истца доказать, что вред причинен незаконными действиями или бездействием государственного органа или должностного лица.

67. Европейский Суд уже рассматривал это средство правовой защиты в нескольких недавних делах в контексте пункта 1 статьи 35 и статьи 13 Конвенции и не нашел его

эффективным. Европейский Суд установил, что, хотя возможность получения компенсации не исключалась, это средство правовой защиты не имело разумной перспективы успеха, поскольку компенсация зависела от наличия вины органов власти (см., например, Постановление Европейского Суда от 25 ноября 2010 г. по делу "Роман Карасев против Российской Федерации" (Roman Karasev v. Russia), жалоба N 30251/03, § 81 - 85 <*>, Постановление Европейского Суда от 25 ноября 2010 г. по делу "Шилбергс против Российской Федерации" (Shilbergs v. Russia), § 71 - 79 <***>, Постановление Европейского Суда от 28 мая 2009 г. по делу "Кокошкина против Российской Федерации" (Kokoshkina v. Russia), жалоба N 2052/08, § 52 <****>, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Александр Макаров против Российской Федерации", § 77 и 87 - 89, и Постановление Европейского Суда от 10 мая 2007 г. по делу "Бенедиктов против Российской Федерации" (Benediktov v. Russia), жалоба N 106/02, § 29 и 30 <****>, а также Постановление Европейского Суда по делу "Бурдов против Российской Федерации (N 2)" (Burdov v. Russia) (N 2)), жалоба N 33509/04, § 109 - 116, ECHR 2009 <*****>, и недавний пример в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу "Ананьев и другие против Российской Федерации", § 113 - 118).

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 1/2012.

<***> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 3/2010.

<****> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 10/2012.

<*****> Там же. N 9/2007.

<*****> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 4/2009.

68. Например, в деле Александра Макарова Европейский Суд нашел спорным, что в ситуации, в которой большинство аспектов содержания заявителя под стражей, включая освещение, питание, адекватную медицинскую помощь, санитарные условия и так далее, соответствовали требованиям национального законодательства, однако их совокупное воздействие составляло бесчеловечное обращение в нарушение требований статьи 3 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Александр Макаров против Российской Федерации", § 98 - 100). Хотя Макаров мог эффективно отстаивать свою позицию в суде, было отмечено, что подход российских судов не сулит успеха иску о возмещении вреда и делает это средство правовой защиты теоретическим и иллюзорным, а не адекватным и эффективным.

69. Даже в делах, в которых истец мог доказать, что реальные условия содержания под стражей отклонялись от стандартов, установленных применимым российским законодательством, или нарушали их, российские суды обычно освобождали государство от ответственности за причинение вреда, указывая, что неадекватность материальных условий содержания была связана не с недостатком или бездействием тюремной администрации, а со структурной проблемой, такой, как недостаточное финансирование уголовно-исполнительной системы (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Скоробогатых против Российской Федерации", § 17 - 18 и 31 - 32, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Артемьев против Российской Федерации", § 16 - 18 и 111 - 112 <*>, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Роман Карасев против Российской Федерации", § 17, 24 и 82). Европейский Суд нашел этот подход, принятый российскими судами, неприемлемым, поскольку он допускал уклонение от разрешения большого количества обоснованных требований, если неудовлетворительные условия содержания под стражей следовали из

отсутствия средств или ограниченной вместимости изоляторов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Артемов против Российской Федерации", § 112).

<*> Постановление Европейского Суда от 27 мая 2010 г. по делу "Артемов против Российской Федерации" (Artyomov v. Russia), жалоба N 14146/02, в тексте настоящего Постановления упоминается впервые (прим. переводчика). Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 1/2012.

70. Наконец, Европейский Суд принимает во внимание, что даже в делах, в которых российские суды присуждали компенсации за условия содержания под стражей, являвшиеся неудовлетворительными с учетом национальных правовых норм, размер компенсации был чрезмерно малым в сравнении с компенсациями, присуждаемыми Европейским Судом в аналогичных делах (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Шилбергс против Российской Федерации", в котором заявителю было присуждено 1 500 рублей, то есть менее 50 евро, за его содержание под стражей в очень холодной и сырой камере, в отсутствие адекватного освещения, питания или личного спального места). В деле Шилбергса Европейский Суд был, кроме того, озабочен мотивировкой российских судов, которые установили сумму компенсации со ссылкой, в частности, на "степень ответственности администрации и отсутствие финансовых средств". Европейский Суд посчитал неправильным уменьшение судами страны суммы компенсации, подлежащей выплате заявителю за нарушение со стороны государства, со ссылкой на отсутствие средств у последнего. Он указал, что при таких обстоятельствах недостаточность средств, имеющихся у государства, не может быть принята как оправдание его поведения и не имеет значения при оценке ущерба в соответствии с компенсаторным критерием (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Шилбергс против Российской Федерации", § 71 - 79).

71. Однако при оценке эффективности разбирательства о возмещении вреда Европейский Суд находит существенными следующие соображения. Чтобы доказать наличие выбора и успешное использование механизмов возмещения, власти Российской Федерации указали на два дела, в которых истцам, бывшим заключенным, были присуждены компенсации за вред, причиненный здоровью вследствие перенаселенности и неадекватной медицинской помощи в период лишения свободы. Не вдаваясь в анализ относимости этих дел к настоящему и не разрешая вопрос о том, в достаточной ли степени два этих дела подтверждают наличие развитой, последовательной и связной практики средств правовой защиты, доступной жертвам нарушений статьи 3 Конвенции, следующих из неадекватных условий содержания под стражей, отсутствия медицинской помощи или его неудовлетворительного качества, Европейский Суд напоминает, что для того, чтобы считаться адекватными, средства правовой защиты для привлечения государства к ответственности должны соответствовать характеру и виду предъявленных претензий. Ввиду дпящегося характера нарушения, на которое ссылался заявитель, в частности его указания на то, что у него было чрезвычайно плохое состояние здоровья, которое продолжало ухудшаться в отсутствие надлежащего лечения, и что он продолжал содержаться в особенно неудовлетворительных условиях, Европейский Суд полагает, что адекватное средство правовой защиты в такой ситуации должно предполагать надлежащим образом функционирующий механизм деятельности национальных органов с целью пресечения предполагаемого нарушения прав заявителя и предотвращения повторения подобного нарушения в будущем. Следовательно, чисто компенсаторное средство правовой защиты не является достаточным для удовлетворения требований эффективности и адекватности в деле о предполагаемом дпящемся нарушении конвенционного права и должно быть заменено иным судебным механизмом, осуществляющим превентивную и компенсаторную функции.

72. Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не утверждали, что иск о возмещении вреда мог обеспечить заявителю иное возмещение, кроме чисто компенсаторной меры. Убеденный в том, что превентивная мера могла бы сыграть очевидно главную роль в таком деле, как дело заявителя, который жаловался на постоянное ухудшение здоровья ввиду отсутствия надлежащей медицинской помощи и неудовлетворительных условий содержания, Европейский Суд находит, что иск о возмещении вреда не мог дать заявителю средство защиты, применимое к его ситуации. Денежная компенсация, присуждаемая по иску о возмещении вреда, не может устранить последствия, создаваемые предполагаемой длящейся ситуацией. Иск о возмещении вреда не может повлечь прекращение или изменение ситуации или условий, в которых находился заявитель. Не могло быть вынесено решение о прекращении предполагаемого нарушения и понуждении тюремной администрации к обеспечению заявителю требуемых условий содержания и медицинской помощи, и не могли быть применены санкции за неисполнение, что лишало суд, рассматривающий иск о возмещении вреда, возможности принятия практических мер по устранению дальнейших страданий заявителя или пресечения неправомерного поведения со стороны властей. Эта логика применялась в большом количестве дел, затрагивавших доказуемые требования в соответствии со статьей 3 Конвенции, причем Европейский Суд указывал, что, если власти могли бы ограничить свою реакцию в таких делах одной лишь выплатой компенсации, в некоторых случаях представители государства могли бы злоупотреблять правами лиц, находящихся под их контролем, фактически безнаказанно и общий правовой запрет пытки и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, несмотря на его фундаментальное значение, был бы неэффективен на практике. Государство не может уклоняться от ответственности сообщением о заглаживании нарушения путем простой компенсации в таких делах (см. в числе многих примеров с необходимыми изменениями Постановление Европейского Суда от 30 сентября 2004 г. по делу "Крастанов против Болгарии" (*Krastanov v. Bulgaria*), жалоба N 50222/99, § 60, Постановление Европейского Суда от 2 сентября 1998 г. по делу "Яша против Турции" (*Yasa v. Turkey*), § 74, Reports 1998-VI, Постановление Большой Палаты по делу "Танрыкулу против Турции" (*Tanrikulu v. Turkey*), жалоба N 23763/94, § 79, ECHR 1999-IV, Постановление Европейского Суда по делу "Великова против Болгарии" (*Velikova v. Bulgaria*), жалоба N 41488/98, § 89, ECHR 2000-VI, Постановление Большой Палаты по делу "Салман против Турции" (*Salman v. Turkey*), жалоба N 21986/93, § 83, ECHR 2000-VII, Постановление Европейского Суда от 14 декабря 2000 г. по делу "Гюль против Турции" (*Gul v. Turkey*), жалоба N 22676/93, § 57, Постановление Европейского Суда от 4 мая 2001 г. по делу "Келли и другие против Соединенного Королевства" (*Kelly and Others v. United Kingdom*), жалоба N 30054/96, § 105, и Постановление Большой Палаты по делу "Авшар против Турции" (*Avsar v. Turkey*), жалоба N 25657/94, § 377, ECHR 2001-VII).

73. С учетом вышеизложенных соображений Европейский Суд находит, что в настоящем деле, затрагивающем длящуюся ситуацию с неадекватными условиями содержания под стражей и отсутствием медицинской помощи или ее неадекватностью, иск о возмещении вреда не отвечает критериям эффективного средства правовой защиты.

(дельта) Жалобы в суд на нарушения прав и свобод

74. Европейский Суд должен также оценить эффективность жалобы в соответствии с главой 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. В силу положений указанной главы российские суды вправе проверять законность любого решения, действия или бездействия должностных лиц или органов государства, которые нарушают права и свободы лиц, или препятствуют их осуществлению последними, или возлагают в связи с этим чрезмерное бремя. Жалобы должны быть поданы в течение трех месяцев после предполагаемого нарушения и рассматриваются в ускоренном порядке в

течение десяти дней после подачи. В таком разбирательстве заявитель должен доказать наличие вмешательства в его права или свободы, тогда как заинтересованный орган или должностное лицо должны доказать, что оспариваемое действие или решение являлось законным. Разбирательство проводится в соответствии с общими правилами гражданского процесса (см. § 38 - 73 настоящего Постановления).

75. Суд, признав заявление обоснованным, принимает решение об обязанности соответствующего органа, должностного лица устранить в полном объеме допущенное нарушение прав и свобод гражданина и устанавливает срок для устранения нарушения. В суд и гражданину должно быть сообщено об исполнении решения суда не позднее чем в течение месяца со дня получения решения.

76. Европейский Суд учитывает, что судебное разбирательство, возбужденное в соответствии с главой 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, обеспечивает надлежащую правовую процедуру и эффективное участие потерпевшего лица. В таком разбирательстве суды могут рассматривать жалобу по существу, делать выводы о фактах и назначать возмещение в зависимости от характера и тяжести нарушения. Разбирательство осуществляется тщательно и бесплатно <*> для заявителя. Вынесенное по его итогам решение является обязательным для органа, допустившего нарушение, и может быть исполнено принудительно. Соответственно, Европейский Суд признает, что существующая правовая база делает это средство правовой защиты на первый взгляд доступным и способным по крайней мере теоретически обеспечить надлежащее возмещение.

<*> Вероятно, Европейский Суд имеет в виду незначительный размер пошлины при подаче заявления об оспаривании решения или действия (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц, которая в настоящее время составляет 200 рублей (прим. переводчика).

77. Тем не менее, чтобы быть "эффективным", средство правовой защиты должно быть доступным не только в теории, но и на практике. Это означает, что государство-ответчик должно быть готово доказать практическую эффективность средства правовой защиты на примерах из прецедентной практики судов страны. Однако российское государство-ответчик не предоставило ни одного судебного решения, свидетельствующего о том, что заявитель мог защитить свои права с использованием этого средства правовой защиты. Европейский Суд, со своей стороны, не усмотрел примеров успешного использования данного средства правовой защиты в делах об условиях содержания под стражей, которые были им ранее рассмотрены (см. аналогичную мотивировку в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу "Ананьев и другие против Российской Федерации", § 110). Отсутствие последовательной судебной практики по этому вопросу выглядит тем более непостижимым с учетом того факта, что Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, включая главу 25, действует с 1 февраля 2003 г., и глава 25 лишь консолидировала и воспроизвела положения, предусматривающие в основном тот же порядок, действовавший в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. N 4866-1 "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан". Средство правовой защиты, не породившее значительный массив прецедентной практики или успешных требований за более чем 18 лет существования, вызывает большие сомнения в его практической эффективности. Действительно, Постановление Пленума Верховного Суда N 2, которое прямо упомянуло право заключенных подавать жалобы в соответствии с главой 25 на условия своего содержания под стражей, было принято только в феврале 2009 года, но оно не изменило существующий порядок сколько-нибудь значимым образом, и его эффективность на практике еще предстоит доказать (см. аналогичную мотивировку в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по

делу "Ананьев и другие против Российской Федерации", § 107 - 110). Кроме того, власти Российской Федерации не пояснили, каким образом в свете Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 2, которое касалось жалоб на условия содержания под стражей, процедура главы 25 Гражданского процессуального кодекса могла бы применяться в отношении жалоб на неэффективную медицинскую помощь заключенным с учетом особенностей этих жалоб.

78. Сомнения Европейского Суда относительно эффективности процедуры, предусмотренной главой 25 Гражданского процессуального кодекса, дополнительно усиливаются доводом властей Российской Федерации о том, что каждый аспект условий содержания заявителя под стражей, включая площадь жилых помещений общежитий, освещение, питание, адекватную медицинскую помощь, санитарные условия и так далее, соответствовал применимым правовым нормам. Маловероятно, что в ситуации, в которой национальные правовые нормы предусматривают такие условия содержания заявителя под стражей, он мог бы защитить свою позицию в суде или даже возбудить разбирательство на стадии принятия жалобы к производству (см. Постановление Европейского Суда от 21 июня 2011 г. по делу "Орлов против Российской Федерации" (Orlov v. Russia), жалоба N 29652/04, § 71, с дополнительными отсылками <*>).

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 1/2013.

79. Таким образом, Европейский Суд находит, что, хотя глава 25 Гражданского процессуального кодекса, разъясненная Постановлением Верховного Суда от 10 февраля 2009 г. N 2, содержит прочную теоретическую основу для рассмотрения жалоб заключенных на неадекватные условия содержания под стражей и, возможно, на неэффективную медицинскую помощь, она не отвечает требованиям к эффективному средству правовой защиты, поскольку ее возможность создания превентивных последствий на практике убедительно не доказана.

(iii) Заключение

80. С учетом вышеизложенных соображений Европейский Суд заключает, что ни одно средство правовой защиты, указанное властями Российской Федерации или которое было использовано заявителем, не являлось эффективным средством правовой защиты. Соответственно, Европейский Суд отклоняет возражение властей Российской Федерации о неисчерпании внутренних средств правовой защиты и находит, что заявитель не располагал эффективным средством правовой защиты в связи со своими жалобами в нарушение статьи 13 Конвенции.

(b) Предполагаемые нарушения статьи 3 Конвенции

(i) Общие принципы

81. Европейский Суд напоминает, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она в абсолютных выражениях запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание (см., например, Постановление Большой Палаты по делу "Лабита против Италии" (Labita v. Italy), жалоба N 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV). Однако для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости. Оценка указанного минимального уровня зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. в числе других примеров Постановление Европейского Суда от 18 января

1978 г. по делу "Ирландия против Соединенного Королевства" (Ireland v. United Kingdom), § 162, Series A, N 25).

82. Жестокое обращение, которое достигает такого минимального уровня суровости, обычно включает в себя реальные телесные повреждения или интенсивные физические и нравственные страдания. Тем не менее даже в отсутствие этого, если обращение унижает или оскорбляет лицо, свидетельствуя о неуважении или умалении человеческого достоинства, или вызывает чувства страха, тоски или неполноценности, способные повредить моральному или физическому сопротивлению лица, оно может характеризоваться как унижающее человеческое достоинство и подпадает под действие статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Притти против Соединенного Королевства" (Pretty v. United Kingdom), жалоба N 2346/02, § 52, ECHR 2002-III, с дополнительными отсылками).

83. Государство должно обеспечить содержание лица под стражей в условиях, которые совместимы с уважением его человеческого достоинства, способ и метод исполнения этой меры не должны подвергать его страданиям и трудностям, превышающим неизбежный уровень, присущий содержанию под стражей, и с учетом практических требований заключения его здоровье и благополучие должны быть адекватно защищены (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Кудла против Польши", § 92 - 94, и Постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 г. по делу "Попов против Российской Федерации" (Povov v. Russia), жалоба N 26853/04, § 208 <*>). В большинстве дел, затрагивавших содержание под стражей больных лиц, Европейский Суд рассматривал вопрос о том, получал ли заявитель адекватную медицинскую помощь в тюрьме. Европейский Суд напоминает в этом отношении, что, хотя статья 3 Конвенции не может быть истолкована как возлагающая обязанность освободить заключенного по состоянию его здоровья, он всегда толковал требование об обеспечении здоровья и благополучия осужденных, в том числе, как обязанность государства оказывать заключенным требуемую адекватную медицинскую помощь (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Кудла против Польши", § 94, Постановление Европейского Суда по делу "Калашников против Российской Федерации" (Kalashnikov v. Russia), жалоба N 47095/99, § 95, ECHR 2002-VI <***>, и Постановление Европейского Суда по делу "Худобин против Российской Федерации" (Khudobin v. Russia), жалоба N 59696/00, § 96, ECHR 2006-XII (извлечения) <***>).

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 1/2008.

<***> Опубликовано в "Путеводителе по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год".

<***> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 11/2007.

84. "Адекватность" медицинской помощи остается наиболее сложным понятием для определения. Европейский Суд настаивает, в частности, на том, что власти должны обеспечивать безотлагательные и правильные постановку диагноза и уход за больными (см. Постановление Европейского Суда от 29 ноября 2007 г. по делу "Хумматов против Азербайджана" (Hummatov v. Azerbaijan), жалобы N 9852/03 и 13413/04, § 115, Постановление Европейского Суда от 28 марта 2006 г. по делу "Мельник против Украины" (Melnik v. Ukraine), жалоба N 72286/01, § 104 - 106, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Евгений Алексеенко против Российской Федерации", § 100, Постановление Европейского Суда от 21 декабря 2010 г. по делу "Гладкий против Российской Федерации" (Gladkiy v. Russia), жалоба N 3242/03, § 84 <*>, Постановление Европейского Суда от 11 октября 2011 г. по делу "Хатаев против

Российской Федерации" (Khatayev v. Russia), жалоба N 56994/09, § 85, и с необходимыми изменениями Постановление Европейского Суда от 7 ноября 2006 г по делу "Холомиов против Молдавии" (Holomiov v. Moldova), жалоба N 30649/05, § 121) и что, если это обусловлено природой медицинского состояния, наблюдение за больным должно быть регулярным и систематическим и включать всестороннюю терапевтическую стратегию, направленную на лечение заболеваний заключенного или предотвращение ухудшения их состояния здоровья (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Хумматов против Азербайджана", § 109, 114, Постановление Европейского Суда от 4 октября 2005 г. по делу "Сарбан против Молдавии" (Sarban v. Moldova), жалоба N 3456/05, § 79, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Попов против Российской Федерации", § 211).

<*> Там же. N 10/2011.

85. В целом Европейский Суд вправе применять достаточную гибкость при определении требуемого стандарта здравоохранения, принимая решение об этом в каждом конкретном деле. Этот стандарт должен быть "совместим с человеческим достоинством" заключенного, но также должен учитывать "практические требования лишения свободы" (см. Постановление Европейского Суда от 22 декабря 2008 г. по делу "Алексыан против Российской Федерации" (Aleksanyan v. Russia), жалоба N 46468/06, § 140 <*>).

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 4/2009.

(ii) Применение вышеуказанных принципов в настоящем деле

(альфа) Нарушение статьи 3 Конвенции в части уровня медицинской помощи, оказанной заявителю

86. Обращаясь к фактам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что 1 ноября 2006 г. заявитель был переведен в учреждение N 8 с учетом длительности его заболевания туберкулезом. Принимая к сведению довод властей Российской Федерации о том, что заявителю в колонии сделали много анализов, Европейский Суд отмечает, что российским властям потребовалось почти пять лет, чтобы сделать наиболее существенный анализ, который должен был определять лечение заявителя на протяжении всех этих лет. Хотя власти знали о длительном заболевании заявителя и о том, что его мокрота дает положительный результат в течение столь многих лет в отсутствие позитивной динамики его состояния здоровья, только в 2011 году было проведено исследование действенности лекарств (см. § 31 настоящего Постановления). Оно выявило, что заявитель страдал от множественной лекарственной устойчивости, будучи заражен штаммами, устойчивыми, по крайней мере, к двум лекарствам первого ряда, которыми его лечили все эти годы. Не пытаясь установить, была ли МЛУ заявителя к туберкулезу обусловлена первичным заражением стойкими бактериями или она развилась в ходе его лечения в результате, в частности, отклонения от назначения адекватного режима химиотерапии, Европейский Суд находит неудовлетворительным, что в течение стольких лет медицинский персонал колонии не принимал мер к установлению причин неудачи лечения заявителя наиболее эффективными противотуберкулезными средствами первого ряда, игнорируя постоянное ухудшение его состояния.

87. В то время как Европейский Суд находит отсутствие надлежащего тестирования для установления наиболее адекватной формулы лечения основным недостатком медицинской помощи, оказанной заявителю в период лишения свободы, он также принимает к сведению другие многочисленные ошибки и недостатки медицинских услуг,

оказанных ему в колонии. В частности, учитывая довод властей Российской Федерации о том, что заявитель получал противотуберкулезное лечение, он напоминает, что сам факт того, что врач наблюдал заключенного и назначил ему определенный вид лечения, автоматически не влечет вывод о том, что медицинская помощь была адекватной (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладкий против Российской Федерации", § 89, с дополнительными отсылками). Европейский Суд учитывает, что в ряде случаев врачи колонии фиксировали отсутствие антибактериальных средств, исключая их из режима лечения заявителя (см. § 22, 29 и 30 настоящего Постановления). Представляется, что подбор лекарств, которые тюремные врачи могли включить в режим лечения заявителя, был ограничен теми, которые колония могла получить или могли предоставить родственники заявителя (см. § 24 настоящего Постановления). Если при иных обстоятельствах эта ситуация могла бы не вызвать озабоченности, Европейский Суд отмечает, что в деле заявителя усматривается еще один признак неспособности колонии обеспечить ему адекватную медицинскую помощь. Он напоминает, что невозможность обеспечения властями регулярного непрерывного поступления основных противотуберкулезных лекарств является ключевым фактором неудачи лечения туберкулеза (см. аналогичную мотивировку в Постановлении Европейского Суда от 25 октября 2007 г. по делу "Яковенко против Украины" (Yakovenko v. Ukraine), жалоба N 15825/06, § 98 - 102). Как видно из документов, предоставленных властями Российской Федерации, до 2010 года колония получала только одно противотуберкулезное средство второго ряда. Другая справка указывает, что, по крайней мере, до начала 2008 года колония получала скудное количество этого лекарства второго ряда (см. § 22 настоящего Постановления). Европейский Суд озабочен тем, что отсутствие резервных антибактериальных средств могло также обусловить решение врачей колонии об отложении исследования действенности лекарств на заявителя.

88. Кроме того, Европейский Суд отмечает длительные задержки между ухудшением состояния здоровья заявителя и реакцией властей на них. Например, прошло почти два месяца с момента получения положительного результата мокроты заявителя и началом лечения антибактериальными средствами (см. § 23 и 24 настоящего Постановления). Материалы, предоставленные Европейскому Суду, также свидетельствуют, что лечение, которое получал заявитель, было нерегулярным и изменчивым. Представляется, что в условиях ограниченного выбора антибактериальных средств врачи колонии комбинировали их, пытаясь реагировать на растущее количество жалоб заявителя, в отсутствие признаков эффективности назначенных лекарств (см. § 27 настоящего Постановления). Понимая сложность задачи, поставленной перед медицинским персоналом колонии, Европейский Суд вновь не может рассматривать финансовые или снабженческие трудности в качестве обстоятельств, освобождающих национальные власти от их обязанности организовать пенитенциарную систему государства таким образом, чтобы обеспечить здоровье и благополучие осужденных. Соответственно, Европейский Суд не находит оправдания для уклонения от безотлагательного обеспечения заявителя противотуберкулезными средствами, подходящими для его состояния здоровья, и с озабоченностью отмечает, что лечение, которое заявитель получал после поступления в больницу колонии, вообще не отличалось или было весьма сходным с тем, которое он получал амбулаторно в самой колонии. Кратковременные госпитализации заявителя демонстрировали попытки персонала колонии хотя бы остановить дальнейшее ухудшение состояния здоровья заявителя. Но в то же время они также свидетельствовали об отсутствии комплексного плана лечения болезни заявителя. Европейский Суд учитывает, что, даже когда лечение в больнице колонии было изменено и повлекло определенную положительную динамику состояния здоровья заявителя, после его выписки из больницы медицинский персонал возобновил лечение, которое уже было признано неэффективным, не рассматривая вопроса о необходимости пересмотра этой терапии (см. § 30 и 31 настоящего Постановления).

89. Таким образом, Европейский Суд находит, что заявитель не получал всеобъемлющую, эффективную и транспарентную медицинскую помощь в связи с его заболеванием в течение всего периода содержания в лечебном исправительном учреждении. Он полагает, что вследствие отсутствия адекватного лечения заявитель был подвергнут длительным нравственным и психическим страданиям, умалявшим его человеческое достоинство. Уклонение властей от оказания заявителю медицинской помощи, в которой он нуждался, составляло бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции.

90. Соответственно, имело место нарушение требований статьи 3 Конвенции в этой части.

(бета) Нарушение статьи 3 Конвенции в части условий содержания заявителя в лечебно-исправительном учреждении

91. Европейский Суд отмечает, что заявитель содержался в учреждении N 8 в течение почти пяти лет. В этот период он проживал в общежитии колонии, за исключением непродолжительных периодов госпитализации в больницу колонии. Поскольку стороны не утверждали, что условия содержания заявителя в общежитии и больнице существенно отличались, Европейский Суд рассмотрит весь период содержания заявителя без его разделения на части.

92. Стороны оспаривали многие аспекты условий содержания заявителя в колонии. Следовательно, Европейский Суд должен установить факты, относительно которых стороны не пришли к согласию. Он напоминает в этом отношении, что утверждения об обращении, противоречащем статье 3 Конвенции, должны быть подкреплены соответствующими доказательствами. При оценке доказательств Европейский Суд, как правило, применяет стандарт доказывания "вне всякого разумного сомнения" (см. Постановление Европейского Суда от 18 января 1978 г. по делу "Ирландия против Соединенного Королевства" (Ireland v. United Kingdom), § 161, Series A, N 25). Однако конвенционное производство, как, например, по настоящей жалобе, не во всех случаях характеризуется строгим применением принципа *affirmanti incumbit probatio* <*>, так как в некоторых случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, подтверждающей или опровергающей жалобы на нарушение Конвенции. Непредоставление государством-ответчиком такой информации без убедительного объяснения причин может привести к выводу об обоснованности утверждений заявителя (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Кокошкина против Российской Федерации", § 59, и Постановление Европейского Суда от 6 апреля 2004 г. по делу "Ахмет Езкан и другие против Турции" (Ahmet Ozkan and Others v. Turkey), жалоба N 21689/93, § 426).

<*> *Affirmanti incumbit probatio* (лат.) - принцип, согласно которому доказывание возлагается на утверждающего (прим. переводчика).

93. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что заявитель подробно описал условия его содержания под стражей. Он предоставил цветные фотографии комнат в общежитии, санитарных объектов и прогулочного двора, подтверждающие его описание. Напротив, власти Российской Федерации ограничились предоставлением многочисленных справок, выданных администрацией колонии в июле 2011 года, то есть в последний месяц содержания заявителя в колонии. Они не указали источник материалов, на основании которых могли быть проверены утверждения о комфортабельных условиях содержания под стражей, содержащиеся в этих справках. Европейский Суд напоминает, что ранее он несколько раз не принимал подобные справки на том основании, что они не могут считаться достаточно достоверными ввиду истечения значительного срока и отсутствия

подкрепляющих документальных доказательств (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Кокошкина против Российской Федерации", § 60, Постановление Европейского Суда от 10 июля 2008 г. по делу "Сударков против Российской Федерации" (Sudarkov v. Russia), жалоба N 3130/03, § 43 <*>, и Постановление Европейского Суда от 13 ноября 2007 г. по делу "Белашев против Российской Федерации" (Belashev v. Russia), жалоба N 28617/03, § 52 <***>). Рассматривая конкретные данные, предоставленные властями Российской Федерации в поддержку их сведений о личном пространстве, отведенном заключенным, Европейский Суд учитывает, что администрация предоставила информацию, которая противоречила объяснениям властей Российской Федерации (см. § 9 настоящего Постановления, что касается количества спальных мест), или не подтвердила сведения властей Российской Федерации за отсутствием информации, на основе которой могло быть выдвинуто утверждение (см. тот же параграф относительно отсутствия книги учета заключенных). Таким образом, справки имеют недостаточную доказательную ценность для Европейского Суда.

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 7/2009.

<***> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" N 3/2009.

94. Что касается конкретных условий, заявитель утверждал, что он содержался в условиях переполненности в течение всего периода содержания в колонии. Он указывал, что располагал менее чем 1,5 кв. м личного пространства с учетом количества содержащихся в ней лиц и максимальной проектной вместимости. Заявитель подтвердил свои объяснения цветными фотографиями комнаты общежития, свидетельствующими о том, что личное пространство заключенных ограничивалось спальным местом и узким проходом между кроватями. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель всегда имел индивидуальное спальное место и от 2,75 до 3,13 кв. м личного пространства в течение всего периода содержания в общежитии колонии или в больнице. Однако Европейскому Суду не требуется разрешать противоречия объяснений сторон по следующим причинам.

95. Европейский Суд напоминает, что во многих предыдущих делах недостаток личного пространства в российских изоляторах был столь велик, что сам по себе оправдывал признание нарушения статьи 3 Конвенции. В таких делах заявители имели в своем распоряжении менее 3,5 кв. м личного пространства (см. Постановление Европейского Суда от 6 декабря 2007 г. по делу "Линд против Российской Федерации" (Lind v. Russia), жалоба N 25664/05, § 59 <*>). В то же время Европейский Суд всегда уклонялся от определения того, сколько именно квадратных метров должно отводиться заключенному для удовлетворения требований Конвенции, полагая, что ряд других факторов, таких как длительность содержания, возможности прогулок, физическое и психическое состояние заключенного и так далее, играют важную роль в определении того, отвечают ли условия содержания гарантиям статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 19 июля 2007 г. по делу "Трепашкин против Российской Федерации" (Trepashkin v. Russia), жалоба N 36898/03, § 92 <***>). Что касается учреждений лишения свободы, таких как российские исправительные колонии, Европейский Суд полагает, что личное пространство следует оценивать в контексте применяемого режима, обеспечивающего более широкую свободу передвижения, которой пользуются заключенные в исправительных колониях в дневное время, и их неограниченный доступ к естественному освещению и свежему воздуху. В ряде дел Европейский Суд признавал, что свобода передвижения, которой пользуются заключенные в исправительных колониях в дневное время, и их неограниченный доступ к естественному освещению и свежему воздуху служат достаточной компенсацией ограниченного пространства, отводимого каждому заключенному (см., в частности,

Постановление Европейского Суда от 24 июля 2001 г. по делу "Валашинас против Литвы" (Valasinas v. Lithuania), жалоба N 44558/98, § 103 и 107, Решение Европейского Суда от 16 сентября 2004 г. по делу "Нурмагомедов против Российской Федерации" (Nurmagomedov v. Russia), жалоба N 30138/02, Решение Европейского Суда от 10 сентября 2009 г. по делу "Шкуренко против Российской Федерации" (Shkurenko v. Russia), жалоба N 15010/04, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Орлов против Российской Федерации", § 77).

<*> Там же. N 3/2008.

<***> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" N 3/2008.

96. Однако настоящее дело отличается от упоминавшихся выше. Даже если исходить из того, что объяснения властей Российской Федерации относительно предоставленного личного пространства более точны, Европейский Суд не убежден тем, что другие аспекты содержания заявителя компенсировали стесненные условия проживания в общежитии или больнице. Европейский Суд принимает во внимание тот факт, что колония, в которой содержался заявитель, являлась лечебным исправительным учреждением, предназначенным прежде всего для содержания заключенных, имеющих серьезные формы туберкулеза, включая, как и в случае с заявителем, лиц с положительным результатом анализа мокроты, то есть крайне заразных. Заявитель утверждал, и власти Российской Федерации этого не оспаривали, что свобода передвижения заключенных была ограничена общежитием, больницей, санитарными пунктами и открытым прогулочным двором, который использовался примерно 250 заключенными того же подразделения. Принимая довод властей Российской Федерации о том, что заключенные могли без ограничений передвигаться в перечисленных объектах в период от утренней поверки до отбоя, Европейский Суд не находит удивительным, что тяжелобольные заключенные проводили большую часть дня в общежитии. Действительно, на фотографиях комнаты общежития, предоставленных заявителем, видны множество заключенных в дневное время. В этом отношении Европейский Суд учитывает также подкрепленный цветными фотографиями довод заявителя о том, что прогулочный двор был слишком мал для вмещения всех содержащихся в общежитии лиц, а кроме того, не защищал от плохой погоды и солнечных лучей. Во дворе отсутствовали скамьи или иное оборудование, которое могло бы использоваться для отдыха или рекреации. Находившийся в изношенном состоянии двор также использовался для хранения старых вещей.

97. Европейский Суд также учитывает, что нехватка личного пространства сочеталась с длительным отсутствием уединения. В течение почти пяти лет заявитель находился в помещении с большим количеством больных, и спальные места разделялись минимальным пространством. Судя по фотографиям, заключенные пытались обеспечить хотя бы минимальное уединение, загораживая кровати одеждой или постельным бельем. Европейский Суд полагает, что при таких обстоятельствах длительное содержание тяжелобольного заявителя в особенно стесненных условиях в отсутствие даже минимального уединения составляло бесчеловечное обращение.

98. С учетом этого заключения необязательно оценивать иные аспекты физических условий содержания заявителя. Однако Европейский Суд принимает к сведению фотографии, изображающие интерьер комнат общежития заявителя, прогулочный двор и санитарные объекты. Комнаты общежития, так же как и служебные помещения, явно находились в неудовлетворительном состоянии в смысле ремонта и чистоты. Бетонные стены, потолок и пол были повреждены. Металлические кровати были заржавевшими и изношенными, а постельные принадлежности - старыми и грязными, туалетное оборудование - ветхое и не обеспечивало достаточного уединения. Раковина, по-видимому, была ржавая (см. § 19 настоящего Постановления). Европейский Суд полагает,

что подобные условия могут рассматриваться только как унижающие достоинство и непригодные для проживания людей (см. аналогичную мотивировку в Постановлении Европейского Суда от 10 июня 2010 г. по делу "Захаркин против Российской Федерации" (Zakharkin v. Russia), жалоба N 1555/04, § 126 <*>).

<*> Там же. N 2/2011.

99. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что заявитель имел ограниченный доступ к естественному освещению. В то время как на фотографиях, предоставленных заявителем, отсутствуют ставни или жалюзи на окнах, ряды двухъярусных кроватей установлены таким образом, что дневное освещение, проникающее в комнаты общежития, значительно уменьшается. Европейский Суд также полагает, что металлическая сетка, установленная на окнах и видимая на некоторых фотографиях, служит дополнительным препятствием для освещения. Соответственно, Европейский Суд находит установленным, что устройство окон в комнатах общежития обеспечивало недостаточный доступ к естественному освещению и циркуляции свежего воздуха, несмотря на то, что в общежитиях содержались заключенные, такие как заявитель, имевшие серьезные легочные заболевания и нуждавшиеся в достаточном поступлении свежего воздуха.

100. С учетом совокупного воздействия вышеизложенных факторов Европейский Суд полагает, что условия, в которых заявитель содержался в учреждении N 8, умаляли его человеческое достоинство и вызывали в нем чувства тоски и неполноценности, способные унижить и оскорбить его, и потому составляли бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

101. Следовательно, имело место нарушение требований статьи 3 Конвенции в этом отношении.

II. Применение статьи 41 Конвенции

102. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

103. Заявитель требовал 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

104. Власти Российской Федерации полагали, что это требование является необоснованным и чрезмерным.

105. Европейский Суд отмечает, что он установил в настоящем деле нарушения, вследствие которых заявитель был подвержен длительным психическим и физическим страданиям, умалявшим его человеческое достоинство. При таких обстоятельствах он полагает, что страдания и разочарование заявителя не могут быть компенсированы одним лишь установлением факта нарушения. С учетом всех вышеизложенных факторов, оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе, Европейский Суд присуждает заявителю 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную выше сумму.

В. Судебные расходы и издержки

106. Заявитель не требовал возмещения судебных расходов и издержек, и не усматривается оснований для рассмотрения Европейским Судом этого вопроса по собственной инициативе (см. Постановление Европейского Суда от 5 декабря 2000 г. по делу "Мотьер против Франции" (Motiere v. France), жалоба N 39615/98, § 26).

С. Процентная ставка при просрочке платежей

107. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1) отложил рассмотрение возражения властей Российской Федерации по поводу предполагаемого неисчерпания внутренних средств правовой защиты в отношении жалобы заявителя на нарушение статьи 3 Конвенции до рассмотрения существа жалобы на нарушение статьи 13 Конвенции и отклонил его;

2) признал жалобу приемлемой в части отсутствия адекватной медицинской помощи и условий содержания под стражей в лечебном исправительном учреждении и предполагаемого отсутствия эффективного внутреннего средства правовой защиты в этом отношении, а в остальной части - неприемлемой;

3) постановил, что имело место нарушение требований статьи 13 Конвенции в части отсутствия эффективного внутреннего средства правовой защиты, которое позволило бы обжаловать неадекватные условия содержания под стражей и отсутствие медицинской помощи;

4) постановил, что имело место нарушение требований статьи 3 Конвенции в части отсутствия адекватной медицинской помощи заявителю;

5) постановил, что имело место нарушение требований статьи 3 Конвенции в части бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания заявителя в лечебном исправительном учреждении;

6) постановил, что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю 20 000 евро (двадцать тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, подлежащие переводу в рубли по курсу, который будет установлен на день выплаты, а также любой налог, начисляемый на указанную сумму;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эту сумму должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

7) отклонил оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 8 января 2013 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель
Палаты Суда
И.БЕРРО-ЛЕФЕВР

Секретарь
Секции Суда
С.НИЛЬСЕН